

Вампирские ХРОНИКИ

Интервью с вампиром

Вампир Лестат

Царица Проклятых

История похитителя тел

Мемнох-дьявол

Вампир Арман

Меррик

Кровь и золото

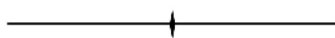
Черная камея

Кровавый гимн

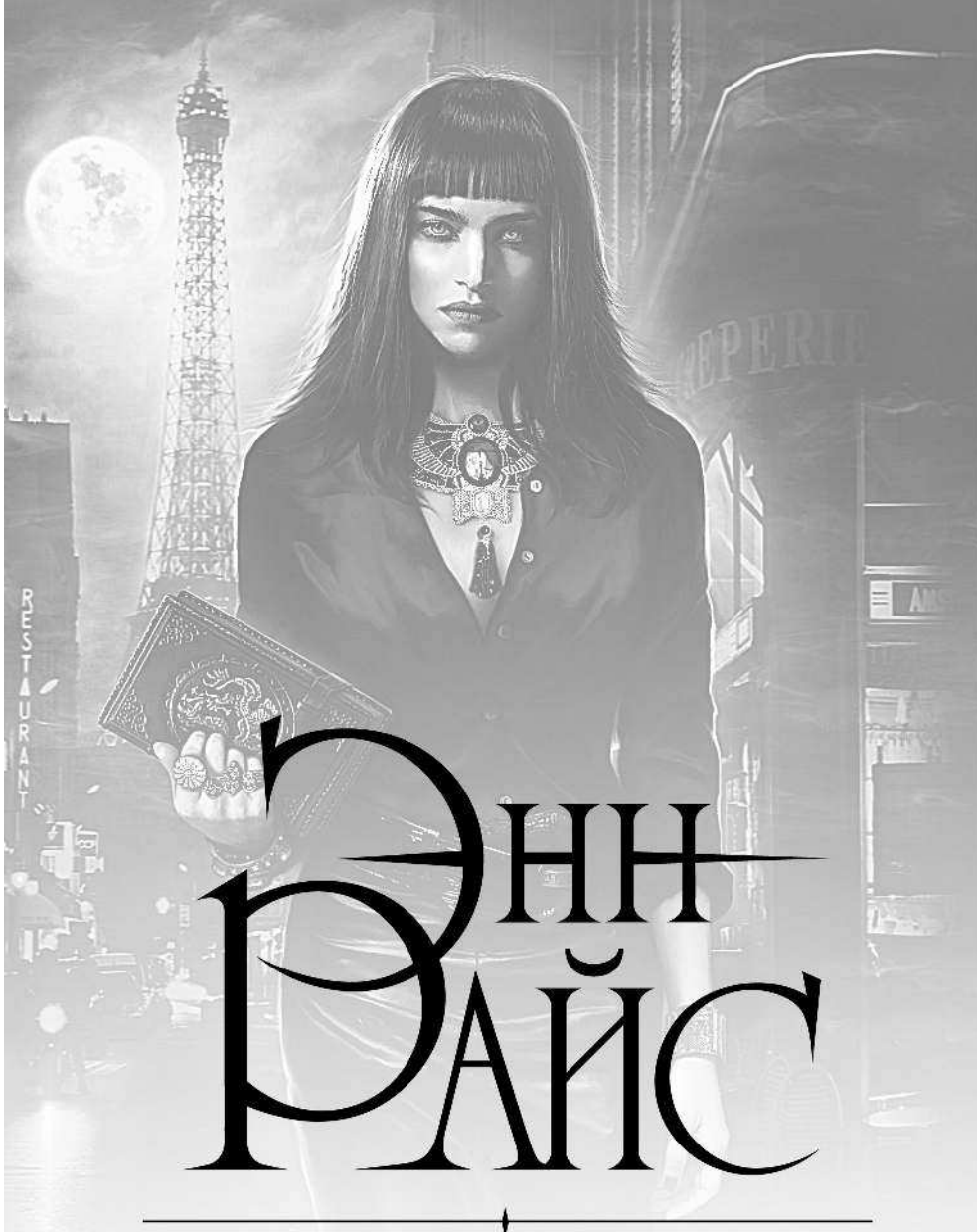
Принц Лестат

Пандора

ANNE RICE

Pandora

ДНН ДАНС

Пандора

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P18

Anne Rice
PANDORA

Copyright © 1998 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis
Rice, Jr. Testamentary Trust

Райс, Энн.

P18 Пандора / Энн Райс ; [пер. с англ. Е. А. Ильиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Новые вампирские хроники).

ISBN 978-5-04-089539-7

В маленьком кафе на одной из улочек современного Парижа прекрасная Дочь Тысячелетий Пандора пишет историю своей жизни — повесть о судьбе благородной римлянки эпохи Августа Цезаря и Тиберия, жрицы богини Изиды, по прихоти судьбы оказавшейся в древней Антихии и по собственной воле ставшей вампиром...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-089539-7

© Е. Ильина, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается Стэну, Кристоферу
и Мишель Райс*

*Сьюзан Скотт Квирос
и Виктории Вильсон*

Памяти Джона Престона

*Ирландцам Нового Орлеана,
которые в 1850-х годах построили
на Констанс-стрит великолепную
церковь Святого Альфонса и таким
образом подарили нам прекрасный
памятник веры и архитектурного
искусства*

Славе Греции и величию Рима

О миссис Мур и эхе в Марабарских пещерах

...но эхо каким-то непостижимым образом начало разрушать ее связь с жизнью. Услышанное в тот момент, когда она уже утомилась, эхо умудрилось прошептать: «В мире есть место для сострадания, благочестия и отваги, что, по сути, одно и то же. В мире существует и разврат. Существует все, но ничто не поддается оценке».

Э. М. Форстер. *«Путешествие в Индию»*. Перевод В. Иванова

Ты веруешь, что Бог един: Хорошо делаешь; и бесы веруют,
И трепещут.

Соборное послание святого апостола Иакова 2:19

Как смешон и невежествен тот, кто дивится чему-либо из
происходящего в жизни!

Марк Аврелий. «Размышления». Перевод С. Роговина

Также веруем мы, что многие создания будут прокляты; например, ангелы, что упали с Небес вследствие гордыни своей, и теперь они — враги рода человеческого; и те смертные, что покидают сию юдоль скорби вне лона Святой Церкви нашей, то есть язычники; а также те, кто крещены, однако жизнь ведут не христианскую и умирают, лишённые любви, — всем им суждены адские муки на веки вечные, как учит Святая Церковь. И невозможно было мне, осознав это, поверить, что все обернется к лучшему, как то показывал Господь наш. Но не было дано мне ответа на мое откровение, кроме следующего: «Что невозможно для тебя, для меня не невозможно. Свое слово я сдержу целиком и полностью и сделаю так, что все обернется к лучшему». Так милость Господня научила меня...

Юлиана Норвичская.

«Откровения Божьей любви». Перевод А. Гузмана

Глава 1

Еще не прошло и двадцати минут с того момента, как ты оставил меня здесь, в кафе, с того момента, как я отрицательно ответила на твою просьбу написать историю моей смертной жизни, рассказать о том, как я стала вампиром, — о встрече с Мариусом всего через несколько лет после его Рождения во Тьму.

И вот я открыла твой блокнот и пишу одной из тех вечных чернильных ручек с тонким пером, что ты мне оставил. Чувственный след черных чернил на дорогой, безупречно белой бумаге приводит меня в восторг.

Естественно, Дэвид, ты оставил мне нечто элегантное — красивую приманку. Ведь переплет этого блокнота сделан из темной лакированной кожи с узором из прекрасных роз без шипов, но с листьями — узор в конечном счете остается не более чем узором, но свидетельствует об основательности. Этот переплет словно гласит: «Тем, что написано под этой тяжелой и красивой обложкой, пренебрегать нельзя».

Плотные страницы с бледно-голубыми линейками... Ты практичен, ты все продумал и, вероятно, знаешь, что я редко брала в руки перо и бумагу.

Энн Райс

Даже в резком царапанье пера по бумаге есть что-то пленительное — оно напоминает мне о тончайших древнеримских перьях, которыми я, склоняясь над пергаментом, писала письма отцу или заполняла страницы своего дневника... Ах, этот звук! Единственное, чего мне сейчас не хватает, — это запаха чернил, но ведь в руках у меня изящная пластмассовая ручка, и она будет оставлять тонкий и глубокий след еще на многих сотнях страниц.

Вот видишь — я все-таки задумалась о твоей просьбе и записываю собственные размышления, а значит, кое-что ты от меня получишь. За окном идет дождь, в кафе не смолкает шумная болтовня, и я вдруг поняла, что возвращение на две тысячи лет назад не обязательно будет агонией, а может доставить чувство, близкое к удовольствию, как, например, кровь. Вероятно, поэтому я уступаю тебе, подобно тому как уступают всем нам смертные.

Я тянусь за жертвой, одолеть которую нелегко, — за моим личным прошлым. Возможно, эта жертва убежит от меня с быстротой, способной поспорить с моей скоростью. Так или иначе, я выслеживаю жертву, которую никогда не знала в лицо. В этом и заключается волнение охоты — в том, что современный мир называет расследованием.

В противном случае, почему бы я так живо увидела те времена? Ты не давал мне никакого магического зелья, высвобождающего мысли. Для нас существует только одно зелье, и имя ему — кровь.

«Вы все вспомните», — сказал ты мне по дороге в кафе.

В сравнении с нами ты еще очень молод, но в своей смертной ипостаси успел дожить до столь преклонного возраста — тогда ты был настоящим ученым. Навер-

Пандора

ное, вполне естественно, что ты так смело пытаешься собрать наши истории.

Но зачем пытаться объяснять здесь истоки твоего любопытства, твоей храбрости перед лицом утопающей в крови истины?

Как же ты смог разжечь во мне это желание вернуться на две тысячи лет назад — почти на две — и рассказать о смертных днях моей земной жизни в Риме, о том, как я присоединилась к Мариусу и поделила с ним весьма маленький шанс сопротивляться Судьбе?

Как же смогли корни, давно похороненные, давно отвергнутые, внезапно поманить меня за собой? Дверь распахнулась. Сияет свет. Входи!

Я снова сижу в кафе.

Я пишу, но останавливаюсь и оглядываюсь, рассматривая публику, заполнившую это парижское кафе. Тусклые и бесполое современные ткани... Я вижу юную американку в оливково-зеленом военизированном костюме — все ее пожитки умещаются в небольшом, перекинутом через плечо рюкзаке; вижу старого француза, вот уже несколько десятилетий приходящего сюда только лишь затем, чтобы насладиться видом оголенных рук и ног, чтобы упиваться жестами молодых — как вампиры упиваются кровью — в ожидании того драгоценного, словно экзотический камень, момента, когда женщина со смехом откинется назад, держа сигарету в руке, и ткань ее синтетической блузки натянется на груди...

Старик... Седые волосы и дорогое пальто. Он ни для кого не представляет опасности. Сегодня он вернется в скромную, но элегантную квартиру, где проживает со времен последней великой мировой войны, и будет смотреть фильмы молодой красотки Брижит Бардо. Он

Энн Райс

считает, что живет. Он не прикасался к женщине вот уже десять лет.

Я не отвлекаюсь, Дэвид. Я бросаю якорь. Ибо я не стану изливать свою историю, словно пьяный оракул.

Я очень внимательно рассматриваю этих смертных. Они выглядят такими свежими, экзотичными и одновременно приторными — в детстве такими же казались мне тропические птицы, до того полные трепетной, бунтарской жизни, что мне хотелось сжать их, чтобы ее отобрать, чтобы в моей руке захлопали их крылья, чтобы похитить у них полет, завладеть им, попользоваться. Ах, те страшные минуты детства, когда случайно давишь жизнь в ярко-красной птице.

Но есть среди посетителей кафе и зловещие, мрачно одетые смертные: торговец кокаином — а они встречаются везде, наша излюбленная добыча, — ожидающий в дальнем углу своего связного: длинное кожаное пальто от знаменитого итальянского дизайнера, волосы сбоку выбриты, а на макушке оставлены густые пряди... Весь его внешний облик рассчитан на то, чтобы выделяться в толпе, хотя в этом нет необходимости, если принять во внимание огромные черные глаза и жесткую линию рта, которому природа предназначала выражать великодушие. Он нервно елозит зажигалкой по мраморному столику — типичные жесты наркомана, — вертится и беспокойно оглядывается, не в силах сидеть спокойно. Он и не подозревает, что никогда больше в этой жизни не будет знать покоя. Ему хочется выйти и вдохнуть кокаин, без которого он страдает, но вместо этого приходится ждать связного. Его ботинки чрезмерно блестят, а длинные тонкие руки никогда не состарятся.

Думаю, этот человек умрет сегодня вечером. Я чувствую, как во мне копится желание лишить его жиз-

Пан д о р а

ни собственными руками. Он накормил ядом слишком многих! Проследить за ним, заключить в объятия... Мне даже не придется обволакивать его видениями — достаточно дать понять, что смерть настигла его в облике женщины, чересчур белой, чтобы быть человеком, и до такой степени разглаженной веками, что она скорее похожа на ожившую статую. Но те, кого он ждет, сговариваются его убить. Зачем же мне вмешиваться?

Какой меня видят эти люди? Женщина с длинными, волнистыми коричневыми волосами, окутывающими ее словно монашеская накидка, с лицом до того белым, что кажется, будто это искусственно созданная маска, а неестественный блеск глаз явственно заметен даже за стеклами очков в золотистой оправе.

Да, мы должны быть очень благодарны этому веку за великое разнообразие очков, ибо стоит мне их снять, как приходится низко наклонять голову, чтобы не пугать людей игрой желтого, коричневого и золотистого оттенков моих глаз, с течением столетий превратившихся в некое подобие драгоценных камней, так что я произвожу впечатление слепой женщины, у которой вместо зрачков — топазы, а точнее — мозаика, аккуратно выложенная из топазов, сапфиров и даже аква-маринов.

Вот видишь, я исписала столько страниц, но так ничего и не сказала, кроме: «Да, я расскажу, с чего все началось».

И все-таки я поведаю тебе историю своей смертной жизни в Древнем Риме, а также о том, как я встретила и полюбила Мариуса и как мы расстались с ним впоследствии.

Это решение перевоплотило меня.

Сжимая в пальцах ручку, я чувствую себя неимоверно сильной, но, прежде чем приступить к выпол-

Энн Райс

нению твоей просьбы, мне хочется более подробно поговорить о нас с тобой.

Перед моими глазами мирный Париж. Идет дождь. По обе стороны бульвара возвышаются царственные серые здания с двойными окнами и железными балконами. По улицам с шумом мчатся грозные автомобили. Кафе заполнены туристами со всего мира. Древние церкви окружены жилыми строениями, дворцы превратились в музеи, и в их залах я провожу многие часы, рассматривая вещи из Египта или Шумера, многие из которых даже старше меня. Повсюду заметно влияние римской архитектуры, точные копии храмов моего времени сегодня служат банками. Английский язык в изобилии использует привычные моему слуху латинские слова. Овидий, мой любимый Овидий, предсказавший, что его поэзия переживет Римскую империю, оказался прав.

Зайди в любой книжный магазин — и увидишь аккуратные издания его стихов в бумажных обложках, предназначенных для того, чтобы привлекать внимание студентов.

Римское влияние рассеяно повсюду, его могучие дубы прорастают сквозь заросли современных компьютеров, цифровых дисков, микровирусов и космических спутников.

Здесь всегда можно с легкостью отыскать соблазнительное зло, отчаяние, заслуживающее ласкового конца.

А во мне всегда должна присутствовать определенная доля любви к жертве, милосердие, некий самообман — сознание того, что даруемая мной смерть не запятнает великую завесу неизбежности, сплетенную из деревьев, земли, звезд и событий человеческой жизни, парящую над нами и готовую накрыть собой все, что было создано, все, что нам известно.

Пан д о р а

О чем ты подумал, когда встретил меня прошлой ночью, прогуливающейся в одиночестве по мосту над Сеной в последние часы исполненной опасности темноты, незадолго до рассвета?

Ты увидел меня прежде, чем я ощутила твое близкое присутствие. Накинув капюшон, я позволила глазам насладиться тусклым освещением. Моя жертва стояла у перил, еще совсем ребенок, но уже замученный и ограбленный сотней мужчин. Она хотела умереть в воде. Не знаю, достаточно ли глубока Сена, чтобы в ней можно было утонуть. Так близко от Иль-Сен-Луи. Так близко от Нотр-Дам. Вероятно, можно, если удастся подавить последнее желание бороться за жизнь.

Но я чувствовала, что душа этой жертвы превратилась в пепел, как будто ее дух кремировали и осталось лишь тело — изношенная, снедаемая болезнями скорлупа. Я обвила малышку рукой и, увидев в обращенных на меня черных глазах страх, прочитав в них еще не высказанный вопрос, окутала ее образами. Несмотря на то что кожа моя была покрыта сажей, я все же походила на Деву Марию, и она запела исполненные преданности гимны, даже мои покрывала казались ей такими, какими виделись в детстве, в церкви, — и она полностью отдалась мне, а я... Я знала, что пить мне не обязательно, но я жаждала ее, жаждала душевной боли, которую она в последний момент выпустит на свободу, жаждала вкусной красной крови, которая наполнит мой рот и в самый чудовищный миг позволит мне снова почувствовать себя человеком... Я уступила ее видениям и провела пальцами по воспаленной нежной коже ее склоненной шеи... Именно в тот миг, когда я вонзила в нее зубы и начала пить, я поняла, что ты рядом. Ты следил за мной.

Энн Райс

Я поняла, почувствовала, увидела нас твоими глазами, но, несмотря на смятение, наслаждение горячило мне кровь, заставляло поверить, что я до сих пор жива, что по-прежнему каким-то образом связана с полями клевера или с деревьями, чьи корни уходят в землю глубже, чем ветви, воздетые к небосводу.

В первый момент я тебя возненавидела — ведь ты застал меня за трапезой, ты наблюдал, как я ей отдавалась, но при этом и понятия не имел о моем многомесячном воздержании, самоограничении, скитаниях. Ты видел только внезапный всплеск нечистого желания высосать из нее всю душу, заставить сердце встrepенуться, лишитъ ее вены всех до единой драгоценных частиц и таким образом отнять последнюю надежду на выживание.

А она хотела жить! Окутанное видениями святых, вспомнив вдруг о груди, что его вскормила, это юное существо отчаянно сопротивлялось и билось из последних сил. Малышка была такой мягкой, а мое тело — твердым, как у статуи, и моя лишенная молока грудь, высеченная в мраморе, не принесла бы ей утешения. Пусть лучше увидит свою мертвую мать — она ее ждет. А я подсмотрю ее умирающими глазами свет, через который она мчится к этому безусловному спасению.

Потом я о тебе забыла. Никому не удастся лишитъ меня этого удовольствия. Я стала пить медленнее и позволила ей вздохнуть, наполнить легкие холодным речным воздухом. Теперь мать приблизилась к ней настолько, что смерть для нее стала такой же безопасной, как материнское чрево. Я выпила ее всю, до последней капли.

Она, мертвая, повисла у меня на руках, словно я спасла ее, ослабевшую пьяную девушку, которой стало плохо, и теперь помогала спуститься с моста. Проникнув рукой в ее тело — даже эти тонкие пальцы спо-

Пандора

собны с легкостью разорвать плоть, — я вынула сердце, поднесла его к губам и высосала — высосала, как сочный фрукт, — пока ни в одном фибре, ни в одном желудочке не осталось крови. И тогда я медленно — наверное, ради тебя — подняла ее и уронила в воду, к которой она так стремилась.

Теперь река без борьбы наполнит ее легкие. Теперь не будет последних отчаянных всплесков. Я допила из сердца, чтобы лишить его даже цвета крови, и бросила его следом — раздавленный виноград. Бедное дитя... дитя сотни мужчин.

Потом я повернулась к тебе и показала, что знаю — ты следил за мной. Наверное, я хотела тебя напугать. В гневе я дала тебе понять, как ты слаб, что никакая кровь, полученная от Лестата, не спасет тебя, если я решу расчленить твое тело, разжечь в тебе смертоносный жертвенный огонь и уничтожить — или же просто наказать, оставив глубокий шрам, — за то лишь, что ты шпионил за мной.

На самом деле я никогда не поступала так с молодыми. Мне жаль, что при встрече с нами, древними, они трясутся от ужаса. Но, насколько я себя знаю, мне следовало удалиться так быстро, чтобы ты не смог последовать за мной в ночь.

Меня очаровало что-то в твоём поведении, манера, в которой ты приблизился ко мне на мосту, твое молодое англо-индийское загорелое тело, с таким соблазнительным изяществом тронутое печатью твоего истинного возраста. Такое впечатление, что ты всем своим видом спрашивал меня: «Пандора, мы можем поговорить?» — однако в просьбе твоей не было униженности.

В голове у меня все смешалось, и, возможно, ты это понял. Не помню, стала ли я закрывать от тебя свой